



Академик никогда не забывал о своих корнях и с удовольствием менял время от времени официальный костюм на национальную одежду.

ОБОГНАВШИЙ ВРЕМЯ

Борис ОРЕХОВ

■ Открытия Жореса Алферова изменили мир. Уроженец Витебска, академик и нобелевский лауреат с полным правом мог называть себя петербуржцем - в городе на Неве ученый прожил большую часть жизни и создал разработку, за которую получил свою первую награду - орден «Знак почета».

НАДРАЛИ АМЕРИКАНЦЕВ

Нобелевский лауреат вовсе не был похож на чванливого зануду-академика, какими их порой показывают в фильмах. Земной, доступный, но великий, хотя без всякого налета бронзы. Его работа как ученого была из области фантастики. В шестидесятых годах Алферов, по собственным словам, возбудился темой, которую в остальном ученом мире считали неосуществимой: полупроводники на гетероструктурах. То есть когда в контакт на микроструктурном уровне приведены два или несколько разных по химическому составу полупроводников. Все, кто подступался прежде к этой теме, что у нас, что в Америке, что в Европе, неизбежно терпели фиаско. Тот, кто смог бы это реализовать, произвел бы в электро-

нике революцию. Ведь это означало, что можно создавать приборы принципиально нового поколения и уменьшать устройства буквально до атомных масштабов.

- Хорошо помню эти поиски, - рассказывал друг и сослуживец ученого по ЛФТИ, уроженец Орши, академик Борис Захарченко. - Когда я заходил к Алферову в его маленькую рабочую комнату, она вся была завалена рулонами миллиметровой бумаги, на которой неутомимый Жорес с утра до вечера чертил диаграммы в поисках сопрягающихся кристаллических решеток. Поиски были очень трудными.

- Первые три года мы шли не по той дороге, - вспоминал сам Алферов. - Но потом разобрались, Дима Третьяков тут сыграл очень большую роль - человек, как о нем говорили, с головой талантливого ученого и богемной душой в ее неповторимой российской версии. В 1967 году мы наконец сделали настоящий гетеропереход с идеальными свойствами и очень быстро создали на его основе лазер, который работал при комнатной температуре. Это и было самым главным: до того момента приходилось их обязательно охлаждать - так терялись все преимущества. А здесь сразу - и волоконно-оптическая связь, и лазерная игло-

для компакт-дисков, и многое другое. В общем, мы надрали всех американцев и сделали все раньше них.

Президент Российской академии наук Александр Сергеев считает, что технологический уклад, в котором мы сейчас живем, в большой степени основан как раз на микро- и нано-электронике.

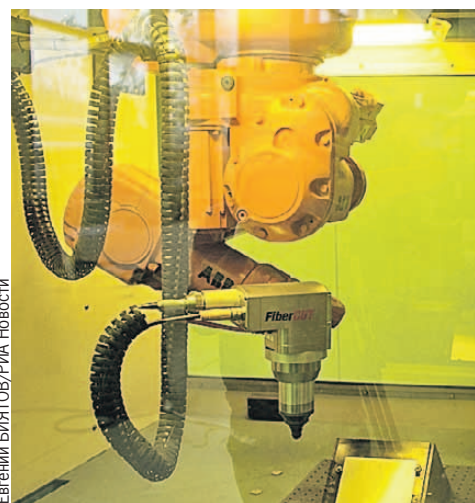
- В каждом из этих приборов есть вклад Жореса Ивановича, - поясняет он.

У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН

Сейчас много говорят о цифровой экономике - Алферов и тут опередил время. Вместе с коллегами-учеными разработал программу, которая так и называлась - «Цифровизация». Благодаря ей 10 октября 1989 года в Москве зазвонил первый сотовый телефон.

Распад Советского Союза нобелевский лауреат переживал как личную трагедию.

- Электронная промышленность СССР - это была империя, - говорил он. - Три миллиона человек, 400 конструкторских бюро и институтов во всех 15 республиках. А остались сегодня только Россия и Беларусь. И я очень рад, что их предприятия сохраняют взаимодействие, благодаря в том числе и программам Союзного государства. Жить стране без микроэлектроники вообще нельзя. Сегодня это все. Если бы не 20 лет разрухи, мы сами могли бы производить все эти айпады, айфоны, мобильные телефоны и многое, многое другое.



Евгений БИЯТОВ/РИА Новости

В лазерной лаборатории питерского ЛФТИ. Молодые исследователи продолжают дело своего гениального учителя.

РОДНОЙ КРАЙ

ПОСТПРЕД СИНЕОКОЙ

Жорес Иванович не раз привозил в Беларусь делегации руководителей российских предприятий. По сути - был постпредом Синеекой в братской стране на совещаниях высокого уровня. Во многом благодаря его усилиям изделия белорусских электронщиков занимают солидную нишу на российском рынке. Один только минский «Интеграл» поставляет свою наукоемкую продукцию более чем для двухсот предприятий в России.

Корней своих никогда не забывал.

- Мы часто ездили с ним на Витебщину, где он родился, - рассказывает белорусский академик Анатолий Достанко. - Жорес не отрывался от окна автомобиля. Его радовали ухоженные поля, люди, что там работали. Просил: останови машину, посмотрю еще. Он всегда был открыт для общения, встречался с белорусскими коллегами в Москве. Многих поддерживал советом и реальным делом.

Сам Алферов говорил, что в жизни ему крупно повезло. Во-первых, родиться у замечательных родителей. Во-вторых, когда после окончания института его распределили в Физико-технический институт имени Иоффе. Уроженец Витебска, он всегда выступал за союз наших стран:

- Мы очень много должны делать вместе - Россия и Беларусь. И республика здесь не младший брат, это полноправный партнер.



БЫЛ СЛУЧАЙ

ПОДВОДНАЯ ОДИССЕЯ

В Северодвинске на заводе «Севмаш» строилась наша первая атомная подводная лодка Б-3 «Ленинский комсомол». Требовалось создать устройство на полупроводниках, позволявшее в аварийной ситуации переключать все электричество в лодке на запасную аккумуляторную батарею. Идея поручить это дело именно Жоресу Алферову принадлежит отцу-создателю нашего ядерного подплыва академику Анатолию Александрову. Он высоко оценил предыдущую разработку ученого для подводного флота - вентили на кристаллах германия. Так что сразу сказал: «Алферов справится».

Жорес Иванович в то время был всего лишь младшим научным сотрудником ЛФТИ, но взял на себя самую ответственную часть проекта. Однажды в лаборатории раздался телефонный звонок. Звонил Дмитрий Устинов,

первый заместитель Председателя Совета министров СССР, курировавший военную отрасль. Вежливо, без чиновничьего нажима, он попросил Алферова сделать работу хотя бы на пару недель раньше срока. В ответ Алферов коротко сказал: «Хорошо». Принес из дома в лабораторию одеяло, подушку. Часа четыре в сутки спал. Остальное время - работал. В таком же графике жила и остальная рабочая группа.

- Наступили самые замечательные дни моей жизни: круглые сутки в Физтехе! В гастрономе напротив купишь кефира, колбаски, поужинаешь и до двух-трех часов ночи работаешь в свое удовольствие, - вспоминал Жорес Иванович.

В лаборатории было очень жарко. Однажды они с напарником разделались до трусов. На часах уже за полночь. В комнате, кроме них, никого. Закончились папиросы. Аспирантка из соседней лаборатории, у которой

Алферов частенько стрелял покурить, специально для него оставляла в своем столе пачку «Беломора». Ученый как был - в одном белье - выскочил в коридор и столкнулся с... замдиректора ЛФТИ Дмитрием Наследовым. Бог его знает, что он делал в институте в такое время. Физик пулей рванул назад, успел лишь халат накинуть, как на пороге возникло руководство. Наследов молча прошел по комнатам, заглянул под каждый стол, вообразив себе, вероятно, нечто пикантное. Никого не обнаружил и, пожалв плечами, вышел из лаборатории, напоследок заглянув еще за шкаф.

ГЭБЭШНИК В РАССОЛЕ

Заказ был выполнен в срок. На монтаж прибора на лодке Алферов сам поехал в Северодвинск. Впоследствии он много раз бывал у подводников. Стал среди них своим человеком и освоил весьма специфическую, забористую моряцкую лексику. С ее по-

мощью прорубил себе окно на Запад, когда его вдруг перестали выпускать в капстраны. Только к друзьям по соцлагерю. К буржуям - ни-ни, причем без объяснения причин.

- Всю жизнь я ловлю шпионов, седой уже весь, а ведь, между прочим, твой ровесник. У тебя ж, гляжу, ни одного седого волоса, занимаешься своей любимой наукой, никто тебя не трогает, и еще чем-то недоволен, - грубо, с матом, на «ты» отчитывал Алферова в своем кабинете чиновник из Большого дома, давешний выездными делами.

Тот спокойно его выслушал. После чего выдал спич, показав, что трехэтажной лексикой он владеет виртуозно, да еще с солеными военноморскими загибами. Гэбэшник чин замер на вдохе. А когда физик закончил, выдохнул:

- Наш человек ты, Жорес. Кремень. Убедил бесповоротно. Считаю, вопрос решен: проблем с выездом у тебя больше не будет, обещаю.